

Абхаядатта

БУДДИЙСКИЕ МАСТЕРА-МАГИ

Легенды о махасиддхах

Иллюстрации Роберта Бира

Абхаядатта

Буддийские мастера-маги.

Легенды о махасиддхах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21120923

Буддийские мастера-маги. Легенды о махасиддхах / Абхаядатта:

Ориенталия; Москва; 2011

ISBN 978-5-91994-010-4

Аннотация

В книге «Буддийские мастера-маги» собраны 54 из 84 жизнеописаний знаменитых махасиддхов Индии. Авторство легенд приписывается индийскому йогину Абхаядатте (XII в.), который надиктовал их тибетскому переводчику Мондубу Шерабу. Иллюстрации выполнены современным британским художником Робертом Биром.

Содержание

Автобиографическое вступление художника-иллюстратора	6
Вступление	15
Традиция сиддхов	17
О терминах	22
Взгляд на Тантру	30
Мысль и парадокс	33
Искусные методы и совершенное постижение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Абхаядатта

Буддийские мастера-маги.

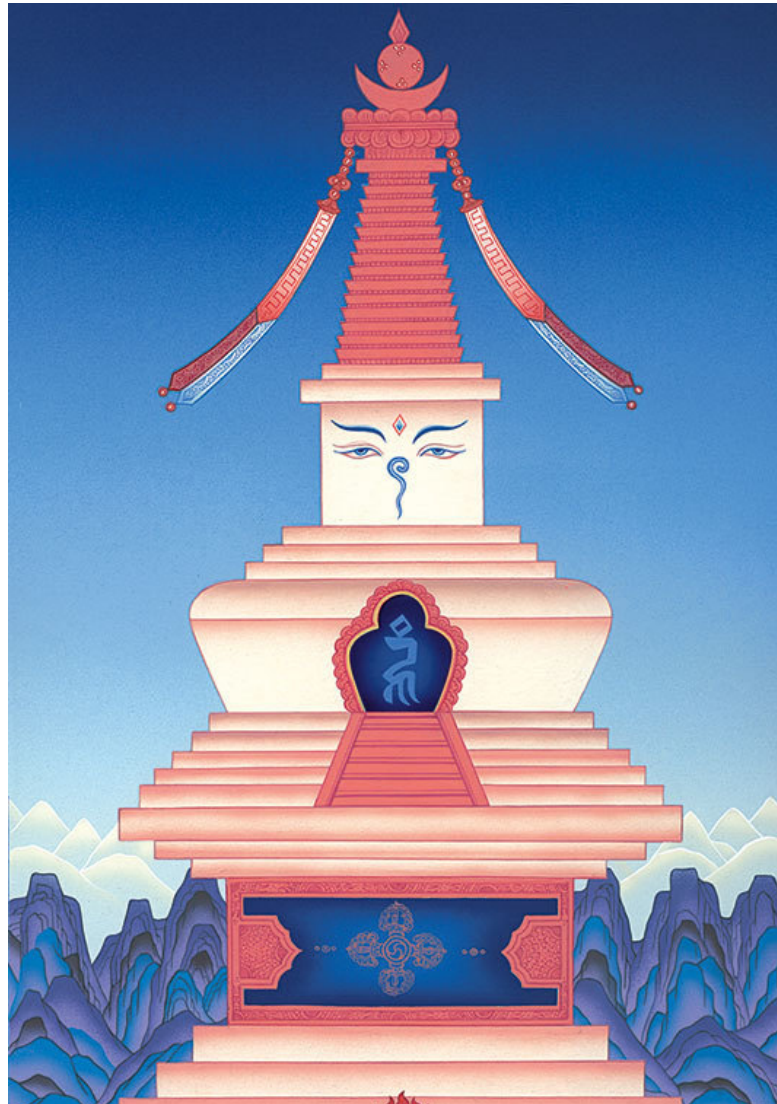
Легенды о махасиддхах

© Inner Traditions, 1998

© Ю. Воротникова, перевод, 2011

© ООО Издательство «Ориенталия», 2011

* * *

Автобиографическое вступление художника-иллюстратора

Написать это вступление меня попросили издатели. По их мнению, некоторые подробности моей жизни могут пролить свет на то, как из зрительного восприятия возникает изобразительное искусство. Я согласился написать этот небольшой очерк – хотя, должен признаться, с некоторой неохотой.

Я родился в сентябре 1947 года в Кардиффе, в Западном Уэльсе. В детстве у меня случались несильные приступы эпилепсии, приводившие к моментам полной пустоты в уме и неумной фантазии. Это переживание, возможно, стало первым осознанием того, насколько несопоставимы внешний и внутренний мир человека. Когда мне было тринадцать, от гидроцефалии (водянки головного мозга) умерла моя сестра – ей было всего три года. Меня глубоко потрясло тогда осознание случившегося – того факта, что вот так могло окончиться существование этого всеми любимого, невинного и беспомощного создания. В тот день, когда она умерла, мне приснился чудесный, очень живой сон – мне виделось, как мы летели с ней по небу, и сестра совсем не казалась мертвой. Вершиной жизненного пути является смерть – это открытие заставило меня задуматься над извечными вопросами. Кто я? Откуда мы появляемся и куда уходим? И

что такое Бог? Я стал интересоваться космологией, а затем религиями – в особенности индуизмом и буддизмом.

Со временем во мне проявилась неумемная тяга к религии и искусству. Я попытался поступить в колледж искусств, но не был принят из-за дальтонизма. В 1966 году я впервые попробовал ЛСД и сразу же обнаружил, как открывается дверь, ведущая в ум. Последующие три года я провел в погоне за психоделическими ощущениями. Каждое путешествие на другую сторону ума превращалось во все более мощное мистическое и религиозное переживание, даря мне проблески понимания природы ума. Мое пытлиное пробуждение пришлось на шестидесятые – период острого интереса к Востоку и психоделикам – и на несколько лет мой внешний и внутренний мир обрели гармонию и согласие. В то время, увлеченный исконным символизмом религиозного искусства, я всерьез занялся рисованием. Однако мои психоделические опыты становились все более экстремальными, а основные инстинкты и осознанность, необходимые для выживания, стали давать сбои.

В 1969 году я пережил свое последнее путешествие под ЛСД. Оно не привело меня далеко – нестерпимая боль внезапно словно железным обручем сдавила мне голову, и я потерял сознание. Очнувшись, я понял, что мир уже никогда не будет таким, как прежде. Вокруг больше не было ничего, кроме меня, но это «я» уже не являлось чем-то определенным и ощутимым. Мне буквально «разорвало мозг», и я впал

в психоделический психоз, с ужасом осознавая, что отныне мне придется жить в этом состоянии.

Это подобное сну ощущение слилось с моим обычным сознанием в невыносимое переживание опустошенности, ни на минуту не покидавшее меня. В голове было такое ощущение, будто череп поджаривают электричеством. В уши словно впивались спицы, а в глазах ощущалось непрерывное давление. Надолго терялась чувствительность в спине и суставах.

Я ощущал, как моя личность все больше и больше распадается на части, мне казалось, что я слаб и уязвим перед духами, страшнее всего казались демоны. Самым ужасающим в моем состоянии было чувствовать, как превращается в небытие само мое существование, и этой реальности я должен был избежать любой ценой. Если мне удавалось усидеть на одном месте несколько минут, мне казалось, что тело мое растворяется в пространстве, и меня охватывал ужас при мысли о том, что я не смогу больше вернуться в мир формы. Когда я сидел на стуле, мне приходилось постоянно дергаться, чтобы не чувствовать, как исчезают ноги, а позвоночник уходит в бесконечный вакуум. Все, к чему я прикасался, становилось частью меня самого, и я вынужден был отходить в сторону, чтобы отсоединить эти предметы от тела и определить его границы. Объятия с людьми повергали меня в ужас – мне казалось, что два тела буквально соединялись в одно.

Я жил в постоянном страхе умереть в таком состоянии. Моим лекарством стали прогулки, одиночество, занятия музыкой и рисование. Когда я подолгу концентрировался на музыке и рисовании, мне удавалось отвлечься от непрекращающейся погруженности в свое состояние. Так я прожил долгие годы. Поначалу все ощущения были чрезвычайно интенсивными, но со временем они начали терять былую силу, а возможно, я просто немного привык к ним.

В 1970 году я переехал в Индию, где начал упражняться в рисовании тибетских тханок. В этом решении не было академического расчета, оно стало результатом моего интуитивного отождествления с энергиями, представленными в тибетском пантеоне. Как сказал Уильям Блэкл, «все божества живут в груди человека». Рисование божеств Тибета как будто стало для меня гармоничным выплеском наружу не поддающейся пониманию бесконечной внутренней сумятицы. Я начал с самостоятельного изучения техники рисования тханок и какое-то время жил в Дхармасале рядом с тибетским художником Джампой. У него самого и его последователей я стал учиться правильному изображению Будда-форм.

Следующие шесть лет я провел в Индии и Непале, посвящая рисованию тханок минимум по двенадцать часов в день. Все это время я пытался найти того, кто сумел бы понять и объяснить природу моего умственного и психического состояния. Однажды мне пришлось принять участие в десятидневном курсе, посвященном медитации випассана, кото-

рый проводил учитель из Бирмы по имени Гёнка. В разговоре один на один с ним я буквально в слезах описал свое состояние. На мгновение возникла пауза, а затем он просто расхохотался. Но я, конечно же, не мог похвастать таким же юмористическим отношением к своей ситуации. Лама задал мне несколько прямых вопросов, по которым было очевидно, что он полностью понимает мое состояние. Затем он объяснил, каким было мое восприятие реальности; мне следовало научиться не бояться того, как растворяется эго, и не воспринимать себя слишком всерьез. Он рассказал мне о том, как нужно применять техники випассаны, чтобы восстановить телесные ощущения клеточной и молекулярной реальности. Благодаря этому пониманию мое психическое состояние со временем трансформировалось в более «нормальный» уровень восприятия. Однако дверь в эту тюрьму по-прежнему остается открытой – иногда я попадаю внутрь, но теперь я там только гость, а не заключенный.

В течение тех лет, что я провел в Индии и Непале, я продолжал изучать рисование тханок и индийскую музыку. Следуя советам многих художников-тханкописцев и лам, я совершенствовался в этом искусстве. Последний год в Индии я прожил в тибетской ремесленной общине в Ташидзонге. Там я работал над серией тханок для своего духовного учителя и наставника в искусстве Кхамтрула Ринпоче – великого тибетского ламы, который, помимо прочих его заслуг, считался одним из лучших художников-тханкописцев того

времени.

Из Индии я уехал в 1975 году и теперь живу в уединенном местечке в Шотландии с женой и двумя дочерьми. Все это время я продолжаю рисовать, изучать тибетское искусство и практиковать буддизм. За эти годы мною было создано большое количество иллюстраций для книг.

Цветные иллюстрации в этом издании являются репродукциями, они примерно того же размера, что и миниатюры-оригиналы: 165 × 216 мм (6,5 × 8,5 дюйма) и 210 × 273 мм (8,25 × 10,75 дюйма). В их создании использовалась гуашь; обводка и декоративные детали нарисованы чистым золотом. Оригиналы созданы на бумаге Хаммер и бристольском картоне. Фоны сильно растушеваны, а сами фигуры и передний план выполнены очень тонкой кисточкой. Для обводки и золотых деталей я использовал кисточку 000 из со-большого волоса, стертую до толщины иглы. В этой технике тханкописи не допускается рисовать поверх уже созданного изображения, поэтому ошибки нелегко исправлять.

В создании черно-белых рисунков я использовал кисть, китайские чернила и бумагу Хаммер. Все эти изображения написаны в одном и том же размере, их ширина 180 мм. Над каждым таким рисунком я работал в среднем по двадцать четыре часа, а над цветными – от восьмидесяти до ста двадцати часов. Таким образом, для выполнения всей графики для этой книги мне понадобилось более четырех тысяч часов.

Меня часто спрашивают, насколько традиционна моя живопись и как много в ней моей собственной фантазии. На этот вопрос ответить трудно – на мой взгляд, в какой-то момент традиция и фантазия должны стать единым целым. Вдохновение в работе над иллюстрациями для этого издания я черпал из разных источников. Около десятка рисунков были созданы на основе великолепных китайских тханок из Государственного этнографического музея Стокгольма, некоторые были срисованы с настенных росписей монастырей в Гьянце (Тибет), а также храма пятого Далай-ламы в Лхасе. Важнейших махасиддхов я рисовал так, как их изображают традиционно, а в рисунках большого числа не столь известных сиддхов можно видеть синтез традиционности и инновации.

В каждой традиции изображения человека или божеств существуют свои истоки и преемственность. В тибетском искусстве можно встретить широкий спектр стилистических влияний Греции, Персии, Центральной Азии, Индии и Китая. В большей мере буддизм Ваджраяны позволил проявиться культурным особенностям тех регионов, где прижились эти учения. Сегодня, когда Ваджраяна все больше укореняется в западном мире XX века, ей безусловно придется претерпеть изменения в стиле и образе. Можно сказать, что родник, вокруг которого построен город, останется неизменным, в то время как здания будут постоянно перестраиваться.

В отличие от Будда-форм, изображения которых подчиняются строгим правилам иконографии, представление махасиддхов как исторических персонажей, подобно их жизненному пути, будет всегда оставаться свободным самовыражением и энергией чистого наслаждения.

Роберт Бир

Вступление

Пожалуй, ничто не может подарить нам такого полного понимания сути тантрического буддизма, как жизнеописание его основателей. К обширному литературному наследию Тибета относится также текст под названием «Легенды о восьмидесяти четырех махасиддхах». Считается, что это уникальное собрание историй о махасиддхах продиктовал тибетскому переводчику Мондубу Шерабу индийский Мастер Абхаядатта Шри. Это произошло в XII веке, незадолго до исчезновения буддизма в Индии. В легендах о махасиддхах отразилась сущность индийской тантрической традиции, а также дух йогов и мастеров тантрической медитации. В то же время пелена мифов, опутывая эти истории, защищает от непосвященных сакральные тайны учения.

В наши дни в передаче универсальных, практических элементов тантрического буддизма с Востока на Запад неясные архаичные аспекты индийской культуры препятствуют его пониманию. Поэтому, адаптируя буквальный тибетский перевод историй о махасиддхах, мы старались в каждом жизнеописании поставить акцент на принципах тантрической практики и на человеческих качествах, проявляющихся на фоне очевидных культурных различий. Таким образом, были опущены повторяющиеся и не относящиеся к теме пассажи, переработаны неясные места в описаниях, а в некоторых

легендах слегка видоизменена сюжетная линия. Количество самих историй сокращено с восьмидесяти четырех до пятидесяти четырех, тем не менее строфы, в которых гуру передает ученику тайные поучения, в представленных легендах звучат максимально близко к тибетскому оригиналу. Надеюсь, что, опустив неясные моменты в этих историях, мы создали контекст, открывающий доступ к пониманию важнейших аспектов философии сиддхов – философии недвойственности и пустоты.

Традиция сиддхов

VIII век в Индии ознаменовал окончание целой эпохи: великие достижения периода Гупта уже стали историей, наступило временное затишье перед окончательным расцветом индуистской цивилизации. Общество пребывало в тисках жестких правил – в социальном укладе господствовала формальность, подавляя дух и чувства, а в религии доминировали ритуалы. В то время как пандиты великих академий посвящали себя схоластическому буквоедству на мертвом языке, на рыночных площадях святые садху продавали свое благословение. У западных границ Индии сконцентрировались бесчисленные турецкие орды, и угроза их вторжения, грабежей, поджогов и кровавых расправ дамокловым мечом нависла над Индийским полуостровом.

В таких условиях возникла новая форма буддизма, которой предстояло вернуть к жизни задыхающееся общество. Последнему, третьему циклу поучений Будды Шакьямуни было дано название тантрический буддизм, или Ваджраяна. Со временем Тантра стала преобладать в религиозной жизни Индии. Она также распространилась в Центральной Азии, Китае, Японии, а в Тибете стала неотъемлемой частью всех аспектов жизни. До недавнего времени западные исследователи придерживались либо ортодоксального взгляда брахманов на нетрадиционную для них Тантру, либо рассматрива-

ли ее с точки зрения ранних буддийских подходов Хинаяны и Махаяны. Однако последние двадцать лет тибетские ламы, находясь вдали от своей родины, в изгнании, демонстрируют Западу чистую, живую тантрическую традицию. Такая передача привела к переоценке подходов к самой Тантре.

Образчики нового буддизма, высочайшие проповедники Тантры, стали называться сиддхами. Еще на заре распространения Тантры в Индии, в VIII веке, сиддхи стали воплощением неподдельной духовности, поднявшейся с самого дна общества. Отречение, чуждое лишенным жизни нормам социального и религиозного уклада, в котором общество приравнивалось к запутанности, стало главным условием духовного развития. Дух чистого мистицизма сиддхов поставил их вне общественных норм, сделал антиортодоксами и антисхоластиками. Они придерживались простого и свободного образа жизни, не принимая дисциплину, установленную общественными институтами. Восстав против пустых ритуалов, шарлатанства, лживого философствования, кастовой системы и ритуальной чистоты брахманов, сиддхи стали мятежниками, борцами с традиционными предрассудками. Они учили скорее пространственно-временной сопричастности, чем метафизическим спекуляциям. Многие из них были музыкантами и поэтами, их постижение отразилось в чудесных мистических песнях, написанных просторечным языком, использующим такие метафоры, как дом и семья, скотоводство и ремесла, а также любовь и чувствен-

ная близость.

В своем радикальном настрое по отношению к ортодоксальному порядку сиддхи не шли на компромисс и любой ценой отстаивали свои идеалы свободы. Поскольку Тантра получала все более широкое признание, ее сторонников все меньше отождествляли со странствующими йогинами, членами тайного культа. В период между IX и XII веками Восточной Индией управляла империя, возглавляемая королевской династией буддистов, которые поддерживали развитие тантрического буддизма. Во времена королей Пала тантрическую революцию приняли в общественном истэблишменте. Несмотря на то что враждебность между общественными институтами и последователями Тантры сохранилась, короли Пала основали Викрамашилу и Одантапури – монашеские академии по изучению тантрической литературы. Именно здесь были составлены многочисленные комментарии к основным тантрическим текстам.

В этот более поздний период эволюции тантрического буддизма сиддхи проявили свою глубокую терпимость и широту взглядов, став неотъемлемой составляющей общества. По происхождению и роду занятий восемьдесят четыре махасиддха представляют всевозможные социальные слои, демонстрируя полный спектр человеческого опыта. Среди них – священники-брахманы, ученые, монахи, короли и министры, купцы и торговцы, охотники и слуги. В числе выдающихся сиддхов встречаются мойщик, пастух, вор, мошен-

ник, азартный игрок и проститутка. Некоторые из сиддхов страдали серьезными заболеваниями. Постижением, обретенным как мужчинами, так и женщинами, последователями Тантры, – независимо от их социального статуса и образа жизни – стало осознание природы Будды во всех живых существах. Благодаря карме все они однажды встретились с гуру, получили посвящение в линию передачи тантрических наставлений, а также в практику тантрической медитации.

Наряду с империей Пала в Бенгалии, ставшей центром власти и влияния в Тантре, другие регионы Индии также внесли свой вклад в традиции сиддхов. В Уддияне на северо-западе, располагавшейся на территории нынешней долины Сват в Пакистане, зародилось несколько важных тантрических линий передачи. На юге Индии главным центром тантрического буддизма стал Канчи – нынешний город Канчипурам в штате Тамилнад. Возможно, именно там возникли первые тантрические культы. В легендах о махасиддхах несколько раз упоминается священная гора Шри Парвата (сегодня штат Андхра-Прадеш) – одно из важнейших мест силы периода сиддхов. Этот статус сохранился и по сей день. Из общего числа восьмидесяти четырех махасиддхов с югом Индии связаны имена девяти, с северо-западом – только двоих, а с востоком – сорока семи.

В середине XII века империя Пала была разгромлена индуистской династией Сена, просуществовавшей, впрочем, недолго. В 1199 году, когда армия турок вторглась в Восточ-

ную Индию, турецкий генерал разгромил академию Викрамашила как военную крепость, перерезал всех монахов, сжег бесценную библиотеку и уничтожил здание самой академии. В последовавшей за этим яростной расправе со стороны мусульман лишённые какой-либо поддержки буддисты во всей северной части Индии погибали за свою веру, скорее принимали ислам, чем брались за меч, или бежали в Гималаи. В соседние Непал и Тибет хлынули потоки беженцев, что в конечном итоге принесло неизмеримую пользу тантрической традиции этих стран. В самой Индии тантрический буддизм ушел в подполье, а с течением времени и вовсе смешался с более жизнеспособными индуистскими линиями тантрической передачи. Элементы буддийской Тантры можно и теперь различить в традиции йогинов-натхов, а также в суфийской традиции Кабира, великого поэта Средневековья, и даже в произведениях бенгальского поэта Рабиндраната Тагора.

О терминах

Кем же были эти искатели духовных приключений? Чему они учили? Что практиковали? Отвечая на эти вопросы, будет полезно дать определение некоторым словам на санскрите, у которых нет эквивалента в русском языке.

Первым таким словом является «сиддх». Сиддхами называют практикующих Тантру, достигших цели медитации. Такое духовное достижение, или совершенство, называется «сиддхи» и объединяет два значения: магические, «обычные», способности и само Просветление – абсолютную силу. Значение слова «сиддх» можно было бы передать такими словами, как «святой», «маг», «волшебник» или «последователь», но и их было бы недостаточно, поскольку понятие «сиддх» отражает образ жизни, уникальную модель существования и совершенно определенные устремления. Упоминание о связи индусов с сиддхами оказывает на них магическое действие. Йогин или йогиня могут обрести титул «сиддх», если способны проходить через стены, летать, лечить больных, превращать воду в вино или читать мысли. Если же глаза этих практикующих светятся безумным блеском, а в волосах метровой длины находится ваджра, если они посыпают себя пеплом и своим присутствием могут усмирить стаи бродячих псов, если от их песен на глаза наворачиваются слезы, если они способны склонить преданных жен

оставить свои семьи, если они едят из человеческих черепов, разговаривают с птицами, спят с прокаженными, плачут при виде ребенка, страдающего параличом, бесстрашно укоряют власть предержавших в отсутствии морали или совершают любое другое действие, противоречащее общепринятым нормам, демонстрируя «высшую» реальность, – в таком случае они вряд ли являются сиддхами.

Таковы взгляды, распространенные среди тех, кто не имеет представления о духовной цели сиддхов – Махамудре, состоянии Будды. Конечно, сиддхов можно встретить и среди неприметных офисных работников, фермеров или рабочих на фабриках. Сиддх может быть королем, монахом, слугой или продажной женщиной. Приставка «маха» означает «великий», «изумительный», «величайший». Таким образом, махасиддхи – это величайшие из всех реализованных сиддхов.

Слово «садхана» иногда переводят как «духовная дисциплина». Тем не менее оно также означает «психо-экспериментальные техники экстаза и выхода за пределы личности» или «активность тела, речи и ума, мотивированная обетом Бодхисаттвы». В более узком понимании «садхана» указывает на «медитативную практику йогина или йогини, основанную на поучениях Гуру» или же на «практику основной медитации посвященного».

В жизни тантрика – практикующего Тантру – садхана является центральным аспектом, точнее, она становится всей

его жизнью. На самом деле то, насколько жизнь практикующего не интегрирована в садхану, отражает степень неисполнения обещания, данного во время посвящения. Такая клятва – обет, подтверждающий намерение практикующего без остатка посвятить всего себя недвойственному, всепронизывающему опыту Просветления. Садханы махасиддхов могут быть так же разнообразны, как и личности самих махасиддхов, хотя большинство их практик можно отнести к медитативным фазам построения и завершения.

Неизменной целью садханы махасиддхов являются совершенства Махамудры – не что иное, как опыт Просветления, который пережил сам Будда. Используемое повсюду туманное понятие «Просветление» можно определить как непреходящее, абсолютное переживание единства всего, недвойственное постижение окончательной реальности, Ясный свет, всепроникающее осознание или растворение индивидуума во вселенском уме. Просветление Будды описывается как безграничная, сочувственная, самоотверженная чуткость к другим, которую мы называем любовью. Это и есть сиддхи Махамудры.

Сиддхи Махамудры неизменно сопровождаются проявлением «обычных» сил, но не наоборот. «Обычные» совершенства зачастую определяют как обретение восьми великих сил, шести экстрасенсорных способностей и четырех трансформирующих видов действий.

В различных традициях восемь великих сил описываются

по-разному. Совершенства, которые обрел Нагабодхи благодаря Нагарджуне, об этом гласит одна из приведенных здесь легенд, заключались в его способности проходить сквозь твердые вещи, владеть магическим мечом мудрости, растворять и создавать предметы, быстро перемещаться в пространстве, отыскивать как материальные, так и метафизические сокровища; он обладал также третьим глазом и способностью создавать пилюли бессмертия. Все описанные здесь сиддхи можно воспринимать буквально или фигурально – в зависимости от понимания и веры ученика. Так, способность сиддха проходить через стены можно в буквальном смысле объяснить его магическим умением вселять веру в других, а в фигуральном – показывать природу реальности как сон, иллюзию или галлюцинацию, в которых весь мир переживается как пространство и свет.

Любые совершенства нужно понимать в ключе основной концепции – «все является умом». Для сиддха не существует двойственности «тело-ум» или «тело-дух». Присущее им качество использовать особые способности как инструмент в садхане превращает сиддхи в «великие». Шесть экстрасенсорных сил – это ментальные способности того же порядка, что и великие сиддхи: умение читать мысли, память о прошлых жизнях; способность понимать все языки людей, животных и птиц – «божественное ухо»; ясновидение, или «божественный глаз» – астральное видение, в особенности интуитивное знание о страдании других существ; способность

проявлять чудеса – управление стихиями, полеты, умение ходить по воде; а также способность останавливать и тушить эмоциональность. Все эти силы махасиддх, являющийся Бодхисаттвой, может применять для себя и других, чтобы развивать до максимума изначальное переживание экстаза. Способность проявлять такие силы вне медитации и по собственной воле является истинным признаком успеха в садхане.

Преобразующие виды активности – успокоение, обогащение, контроль и разрушение – включают восемь великих совершенств и шесть экстрасенсорных сил, а также любые другие искусные методы, которые успокаивают ум, наполняют его качествами, контролируют или управляют им, какой бы ни была цель, или устраняют его. Несмотря на то что эти техники четырех видов изменения сознания обретаются спонтанно, сиддх остается в бездействии до тех пор, пока его не посетит интуитивное видение, что нужно сделать в определенный момент. В этом интуитивном осознании, представленном четырьмя дакинями, находится ключ к видам трансформирующей активности.

Другой термин, который мы часто используем, – «сансара». Существует несколько сжатых выражений, объясняющих это понятие, – «колесо жизни», «круговорот перерождений», «цикл запутанности», «переселение существования». Но ни одно из них не отражает полностью смысл понятия «сансара». С эзотерической точки зрения сансара – это от-

чаянный круговорот перерождений, определяемых кармой: в мире людей, в раю и аду, в мире духов и животных. В этом смысле сансарой является вихрь ума, направляемый сменяющимися друг друга разнообразными сложными эмоциональными состояниями, которые описываются как шесть миров существования, обусловленных мыслями.

Используя термины психологии, сансарой можно назвать тревогу, которую каждый из нас переживает в той или иной степени. В западной культуре при остром состоянии тревоги обращаются к психиатру или священнику. Психоз, паранойя, призрачная иллюзия великолепия, шизофрения и неврозы – это термины, используемые в описаниях сансарических миров. С буддийской точки зрения все человечество до определенной степени психически нездорово или оторвано от реальности до поры, пока не придет Освобождение. Соотнося существование в сансаре с метемпсихозом, неудовлетворительными условиями жизни человека, тревогой и неврозами, можно утверждать, что сансара – то, чего все люди время от времени, а некоторые постоянно, пытаются избежать. В буддизме, в основном, уделяется внимание методам, позволяющим перейти из сансары в нирвану. Когда в буддийском контексте используется понятие «Освобождение», под ним всегда понимают освобождение от сансары. Сиддхи развили свои методы Освобождения, которые характеризуются как быстрые, демократичные, трудоемкие и зачастую опасные.

Буквальный перевод слова «тантра» – «нить», «неразрывность», «переплетение волокон» – редко используется в обиходе. Он скорее указывает на единственный неизменный, основополагающий элемент в жизни – пустоту или «таковость» – абсолютную, необусловленную реальность, неотъемлемо присущую обычному сознанию. Мы используем термин «тантра» для описания определенных идеалов и образа жизни, которые определяются практиками, описанными в текстах с тем же названием.

Поскольку широкой аудитории известны только потрясающие воображение элементы Тантры – ритуалы, секс и магия, привычные ассоциации с этим термином вводят в заблуждение. Среди четырех классов буддийской Тантры ее низшие уровни являются преимущественно ритуалистичными и в большой степени направлены на достижение временных целей и обретение магических сил. (Мы не будем затрагивать индуистскую Тантру, в которой есть свои схожести и отличия от буддийской Тантры.) На более высоких уровнях Тантры также встречаются ритуальные медитации. А в высшем классе ануттара-йога-тантры, практика которой ведет к обретению совершенства Махамудры, ритуальность как таковая не приемлема. Восемьдесят четыре вида тантрических практик, описанных в этих легендах, относятся к неритуалистичной медитации. Несмотря на отвращение к сексу, которое культивируется в ортодоксальном буддизме, в Тантре его считают инструментом для достижения Махамудры. Оши-

божное мнение о том, что тантрическая йога является сексуальной, базируется на частом использовании слова «тантра» в контексте аналогий с сексом, в метафорах и символах, описывающих психические процессы.

Взгляд на Тантру

Для того чтобы понять метафизическое содержание поучений сиддхов, будет полезно обратиться к тантрической литературе. Эти тексты основываются на так называемых коренных тантрах. Каждый из таких текстов посвящен медитативной практике определенного Йидама. Важнейшие Йидамы для сиддхов – это Гухьясамаджа, Чакрасамвара, Хеваджра, Махамая и Ямари. Каждому из них соответствует определенная коренная тантра, в которой описывается мандала этого Йидама, фазы построения и завершения в медитации, соответствующие церемонии (огненные ритуалы, подношения и продолжительные празднества), приводится детальное объяснение используемой символики и составляющих символических подношений, а также других аспектов, характерных для данной тантры. К примеру, в Хеваджра-тантре описывается психологический результат различных способов видения.

На протяжении многих веков тантрические поучения передавались устно, и только в V в. н. э. их стали записывать. Мы можем лишь строить предположения о том, кто основал ранние линии передач и практиковал эти церемонии. Вероятнее всего, Тантра, зародившаяся, возможно, в Индии доарийского периода, являлась системой ритуальной магии, посвященной богиням плодородия, и стала традицией, кото-

рая передавалась среди отверженных кастами. Уже намного позднее в нее могли быть привнесены элементы Патанджали-йоги, ведические боги брахманов и, наконец, системы методов и медитативных техник, ведущих к освобождению от сансары.

Если в коренных тантрах опустить все, что касается ритуалов, то останется небольшое по своему объему, но очень важное метафизическое знание, в центре которого находится «Абсолют». Именно в нем сиддхи черпают свою безграничную духовную энергию, уверенность, силу и постижение. Сиддхи, тем не менее, постоянно заявляли, что не имеют ни концепций относительно Абсолюта, ни каких бы то ни было знаний о нем, поскольку по своей природе Абсолют – за пределами мыслей, а следовательно, не подвластен пониманию обусловленным умом. Абсолют не имеет определения, его невозможно где-либо найти.

Некоторые из многочисленных терминов – «реальность» (санскр. *таттва*, тиб. *de nyid*), «таковость», а также «абсолютная данность», поскольку именно парадокс позволяет лучше всего выразить его смысл. Абсолютной данностью любого переживания, как и полного опыта постижения пространства и времени, является пустота (санскр. *шуньята*, тиб. *stong pa nyid*) и Ясный свет (тиб. *od gsal*). У нее нет ни происхождения, ни корня, поэтому ее считают «нерожденной» или «несозданной». Это и космическая тотальность, и песчинка. Поскольку реальности в принципе

невозможно дать определение, то не существует истины в любых представлениях об истине – в процессе концептуального мышления эти понятия могут только растворяться одно за другим, пока совсем не исчезнут.

Мысль и парадокс

Тантра пронизана презрением к концептуальной мысли. В канонических текстах логика занимает далеко не первое место, зато с парадоксами мы встречаемся постоянно. Прекраснейший тантрический парадокс заключен в ответе на концептуальный вопрос, неизменно возникающий при чтении песен сиддхов: «Если все является абсолютной реальностью, пустотой и непрерывным потоком времени и пространства, то как сиддх воспринимает материальную форму?» Ответ звучит так: «Пустота есть форма, форма есть пустота».

Если пустота – это не форма, тогда она является ничем. С другой стороны, форма не исчезает, если рассматривать все как пространственно-временное соотношение. Иначе мы столкнулись бы с противоречием основному послыу в буддизме Махаяны о том, что вне чувственного мира обычного сознания нет существования, но нет и несуществования. Утверждение, что все является пространством и временем, не означает, что перестают работать органы зрения. Скорее понятийное пространственно-временное соотношение воспринимающего отвечает пространственно-временной природе, изначально присущей воспринимаемому объекту. Все явления сравнимы с прозрачной пленкой, покрывающей яйцо, или с голограммой, тогда воспринимающий – «я» и воспринимаемый объект – «нечто другое» становятся единым

целым. Такой подход открывает путь к великой тайне Махамудры. Ее помогает постичь соединение двух в одно – юганаддха – когда и целостность, и двойственность становятся непрекращающимся абсолютным переживанием. Образ двух любовников, переживающих полное слияние в единое целое, несмотря на то что каждый находится в своем теле, является лучшим, если не единственным примером, способным отразить эту парадоксальную загадку.

Переживание единства себя и других в Махамудре означает растворение всех барьеров, отделяющих нас от других людей. Благодаря этому опыту спадают все социальные окопы, поскольку сиддх полон сочувствия ко всем существам без исключения. Непосредственным результатом переживания единения с другими является дар предвидения и умение читать мысли – благодаря этим силам сиддх способен направлять других в практике садханы.

Это высшее мистическое переживание неотделимо от полного сочувствия и сострадания, благодаря которому исполняется обет Бодхисаттвы – обещание без предубеждений делать для других все необходимое. Любящая доброта, сопричастная радость, сочувствие и равенность – эти четыре неограниченных состояния ума составляют подготовительную медитацию, культивирующую ощущение единства со всеми существами. В совершенстве дополняя друг друга, эти состояния приводят к опыту переживания целостности – единства Махамудры. Такой опыт позволяет раскрыть-

ся этим качествам, а они, в свою очередь, приводят к ощущению абсолютного единения. Сиддхи, герои наших легенд, были известны своими проявлениями чувств, их сердца глубоко трогали и голодный щенок, и красота женщины. Чарьегити – песни сиддхачарьев – наполнены выражением глубокой любви к женщине.

Искусные методы и совершенное постижение

Двумя элементами единства Махамудры являются мужской аспект искусных методов (санскр. *уная*, тиб. *thabs*) и женский аспект совершенного постижения (санскр. *праджня*, тиб. *shes mb*). Гуру воплощает искусные методы, необходимые для достижения абсолютного блаженства Просветления, дакиня дарит совершенное постижение и мудрость. Таким образом достигается союз чистого осознания и экстаза. В буддийской Тантре – в отличие от индуистской – эти аспекты не характеризуются как активные или пассивные. Пассивность заключается скорее в отчуждении – неспособности распознать единство, в то время как динамичная энергия является результатом единения. В различных садханах эти два аспекта могут объясняться по-разному в зависимости от поставленной цели и уровня прогресса практикующего.

Однако в общем искусные средства характеризуются как сочувствие, а совершенное постижение означает пустоту. В этом контексте сочувствие не стоит путать с жалостью или даже утонченной любовью. Сочувствие – это способность Бодхисаттвы спонтанно реагировать на нужды внешнего мира, а также неограниченный набор искусных методов, которым он владеет.

Такие искусные методы представлены всем пантеоном

тантрических Йидамов, в особенности грозными формами, которые символизируют преобразование негативных энергий в эликсир чистого блаженства. На тибетских живописных свитках (тханках) гневные лица этих Защитников – не что иное, как маски, символизирующие отсутствие привязанности к неистовым эмоциям, выраженным на их лицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.